

ИЗ МОЕЙ РАБОТЫ В МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

25 октября по ст. ст. утром мы узнали о перевороте в Петрограде. МК сейчас же собрался и наметил Революционный военный комитет, который прошел на пленуме Совета; далее, он выбрал двух членов в боевую пятерку (Владимирского-Камского и пишущего эти строки). Боевая пятерка была составлена таким образом: два от МК, два от областного бюро (Яковлева и Стуков) и один от окружного комитета (В. И. Соловьев)¹. На пленуме Совета не чувствовалось, что надвигается буря. Шли доклады, содоклады и бесконечные прения. Была даже создана согласительная комиссия из представителей большевиков, эсеров, меньшевиков и интернационалистов для согласования резолюций. Был выбран ВРК, куда вошли большевики и интернационалисты (последние очень скоро вышли из ВРК).

После пленума ночью заседали боевая пятерка и большевики, члены ВРК; принятые решения должны были после быть проведены через собрание ВРК, где заседали и интернационалисты. Последние много говорили по поводу предложенных мероприятий — этим оттягивалось исполнение решений. Когда вызывались воинские части в первый день, то они являлись с большим опозданием, и то приходилось агитировать их, чтобы они шли туда, куда их посылали. В помещении Совета еще сидели эсеры и меньшевики, и они вели контрагитацию. Словом, первый день, 27 октября², прошел очень вяло. Белогвардейцы на второй день заставили взяться энергично за организацию сил для серьезного отпора и наступления, ибо они окружили Совет со всех сторон и начали сжимать кольцо вокруг него.

27-го вечером был созван Московский комитет ввиду того, что в боевой пятерке и в Революционном комитете были разногласия по вопросу о переговорах с Рябцевым и Рудневым³. МК значи-

¹ В Боевой партийный центр вошли также: от Военной организации — Ем. Ярославский, от профсоюзов — Б. Г. Козелев. *Ред.*

² Очевидно, речь идет о 26 октября. *Ред.*

³ Полковник Рябцев — командующий войсками Московского военного округа. Руднев — московский городской голова. *Ред.*

тельным большинством запретил вести переговоры с белогвардейцами.

28-го утром я отправился в Викжель для установления телефонной связи с Питером. С большим трудом удалось мне связаться с Питером и узнать, какое создано правительство и его состав (два члена Совета Народных Комиссаров были в Москве: Ломов, член ВРК — нарком юстиции, и И. И. Скворцов-Степанов — нарком торговли и промышленности)¹. Когда связь с Питером была установлена, я и Зимин 29-го утром отправились с Каланчевской площади в Московский Совет. Перестрелка шла уже на всех улицах. Нам пришлось уже пробираться переулками, и с большим трудом мы добрались до Совета.

Ближе к Совету была уже не перестрелка, а шла кругом него пальба. Когда мы вошли в Совет, мне бросилась в глаза полная перемена (я целых 24 часа не был в Совете, а сносился с боевыми органами только по телефону). Совет был наполнен войсками и вооруженными рабочими, ВРК перебрался в заднюю комнату, и шла лихорадочная работа. Нам даже не дали времени оглянуться. Нам заявили, что мы должны немедленно удалиться, ибо постановлено разделить боевые органы: ВРК должен остаться в здании Совета, а пятерка должна заседать в другом месте на тот случай, если Совет будет взят, чтобы борьба не прекратилась (с этого момента до заключения договора с Рябцевым и Рудневым 2 ноября 1917 года оба органа находились в разных местах. На важные заседания ВРК ездили представители пятерки).

Мне был дан адрес, где вечером будет заседать пятерка, и мы с Зиминим удалились из Совета. Выйдя из него, мы попали под обстрел из пулемета. Обстреливалась Скобелевская (теперь Советская) площадь, где помещались МК («Дрезден») и Московский Совет. Я направился по Тверской и опять попал под обстрел. Стреляли из магазина Пате и из Гнездниковского переулка и по Тверскому бульвару, у Страстной площади. По Тверской улице, между Садовой улицей и Страстной площадью, артиллеристы-солдаты везли большую пушку (очевидно, с Ходынки). Везли ее почти без прикрытия. Вслед за пушкой, гоняясь за ней, двигался отряд конных казаков в 5—7 человек. Вот они налетают на артиллеристов, последние останавливаются, отгоняют казаков и едут дальше. Казаки отъезжают в сторону, через переулки опять выезжают на Тверскую — и опять столкновения. Так продолжалось до тех пор, пока пушка не проехала Страстную площадь. Там уже стояли советские патрули.

Вечер того же дня был жуткий. На улицах не было фонарей, дома не освещались, а в воздухе над головами летали с шумом из Лефортова в Хамовники светящиеся снаряды, и трудно было разобрать, наши они или вражеские. Когда стало темно, я и Егоров, заведующий тогда типографией и изданием «Известий Мо-

¹ И. И. Скворцов-Степанов был назначен наркомом финансов. *Ред.*

сковского Совета», отправились через Миусскую, Екатерининскую площади и множество переулков на Цветной бульвар, и там мы с трудом нашли Троицкую улицу. Попав туда, уже нетрудно было найти союз металлистов, где уже находилась московская боевая пятерка. Я застал всех в сборе. То и дело приходили и уходили представители районов, которые информировали нас о положении дел и получали от нас скудную информацию о том, что делается в центре. Но мы могли информировать одни районы о том, что делается в других районах. В этот вечер пятерка направила несколько товарищей, знающих военное дело, для усиления работы в районах (помню, что Мойсеев Зефир был послан в Рогожский район) и были даны поручения нескольким членам пятерки объехать районы. После ознакомления с положением в районах было постановлено центр тяжести борьбы перенести в районы, передавая им инициативу действий. Я считаю, что это решение имело громадное значение: в каждом районе боевые органы его старались очищать свою территорию от белогвардейцев, после чего освобождались силы для штурма Кремля, Арбата и тех немногочисленных улиц, которые еще держались юнкерами.

На этом же собрании было определено местонахождение пятерки — Замоскворецкий район (Замоскворечье легче было защищать в случае нужды, так как там почти сплошь живут рабочие и к тому же рабочие там были недурно вооружены). Все районы были извещены, что завтра, 30 октября, пятерка будет в Замоскворечье, и мы разошлись.

Рано утром я отправился по Садовой к Смоленскому рынку. До него я более или менее добрался сносно. Кое-где была перестрелка, но двигаться можно было. Но дальше, по Новинскому бульвару, ближе к Крымскому мосту, пулеметная и ружейная стрельба была настолько сильна, что пули ударялись в стену и сыпались по тротуару, по которому я шел. Я не знал, что делать. Деться было некуда, ибо ворота и парадные двери были закрыты. Я просто прислонился к стене. Но тут я сразу сообразил, что когда двигаешься, то труднее попасть, и я пустился бегом. Перебегая Пречистенку, я наткнулся на патруль, бледного как смерть рабочего с винтовкой. Он потребовал от меня пароль, которого я не знал. К счастью, он удовлетворился моими мандатами, и я скоро очутился на Крымском мосту, где стояли вооруженные рабочие, охранявшие мост. То и дело летели пули, ударяясь о перила моста, но на мосту хоть видно было, куда стреляют и откуда летят пули, — и становилось весело. На Новинском же бульваре летели пули, но откуда они появлялись, не было видно.

Вокруг Замоскворецкого районного Совета толпились рабочие и солдаты. Внутри кипела жизнь. Во всех комнатах находились вооруженные рабочие, изредка слышались выстрелы в комнатах — это ружья сами стреляли, ибо не все рабочие знали, как с ними обращаться. У товарища Ильи Цивцивадзе (член МК) я узнал адрес пятерки (она находилась в столовой Коммерческого инсти-

туда). Там же находились как члены пятерки, так и члены редакции «Социал-демократа» и «Известий Московского Совета». Был организован выпуск газеты, кажется, в типографии Сытина. Районы сразу связались с пятеркой, и последняя информировала ВРК и районы, где что происходит, и она старалась доставить то, чего не хватало тому или другому району. С ВРК связь была постоянная: все время ездили члены пятерки, а в институте оказался телефон (кажется, у директора), который работал все время, а в Совете тоже были два телефона, по которым, в крайнем случае, мы разговаривали. Сколько было заседаний, какие вопросы обсуждались — я не помню, но у меня осталось в памяти одно утро. Это могло быть 31 октября, когда Замоскворецкий районный Совет нам заявил, что у них вышли берданочные патроны, а Центральный штаб Красной гвардии требовал от нас трехлинейные и итальянские патроны. Где мы могли бы их взять? День был критический. Вдруг является представитель Железнодорожного района с извещением, что на Казанском вокзале при осмотре вагонов были найдены винтовки и патроны (как выяснилось после, патронов не оказалось), и что ближайшие районы извещены уже об этом, и что Сокольнический район уже оружие взял. Нами было об этом дано знать в другие районы. Из Замоскворечья тоже поехали за винтовками, и в тот же день был привезен большой грузовик с винтовками. Почти в то же время нам сообщили, что красногвардейцами взяты Симоновские пороховые погреба, где были патроны. Около 40 тысяч винтовок и патронов были в один день розданы. Ими вооружились рабочие, борьба закипела с невиданной до того времени силой. Было уже ясно, что победа останется за революционными рабочими и их властью — Советами.

1 или 2 ноября, рано утром (борьба на некоторых улицах еще продолжалась), в Московском Совете появилась депутация попов с предложением прекратить кровопролитие. К ним выслали В. И. Соловьева.

В этот же день стали появляться обыватели в Совете за разъяснением тех или иных распоряжений ВРК. На улицах домовладельцы и обыватели стали наводить порядок, возвращали оружие, как это требовал приказ ВРК.

Стало ясно, что население считает уже нас победителями.

По настоянию интернационалистов и еще каких-то партий, не участвовавших в борьбе, и по предложению Руднева — Рябцева начались переговоры о перемирии¹. От ВРК были делегированы В. Смирнов и П. Г. Смидович. Они пошли слишком далеко в уступках эсерам и юнкерам (если эсеры, кадеты и юнкера победили бы, они не пошли бы на переговоры, а разделались бы с рабочими, солдатами, ВРК и Советом так, как Колчак раздвигался с рабо-

¹ Перемирие было заключено на сутки начиная с 12 часов ночи 29 октября. В ночь на 31 октября революционные войска возобновили наступательные действия, полностью завершив разгром контрреволюции 2 ноября 1917 г. *Ред.*

чими-коммунистами). Договор вызвал на совместном заседании ВРК и пятерки сильное неудовольствие и большие прения. Наконец он был утвержден, и мне пришлось объехать несколько районов (Железнодорожный, Сокольнический, Лефортовский, Рогожский или Басманный), чтобы привести договор в исполнение. Во всех вышеназванных районах меня прямо взяли на штыки. Только-только районы развернулись — они подошли вплотную к Кремлю, Александровскому военному училищу, и для каждого было ясно, что от белогвардейцев ничего не осталось бы. И вдруг борьба прекращается. Все же районы подчинились, и борьба прекратилась в Москве 3 ноября 1917 года.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 375—379